

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 01 Volume: 93

Published: 30.01.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Dmitriy Vladimirovich Popov

Andijan State University

Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences,

Assistant Professor, Uzbekistan

SLAVISM AND ITS SCIENTIFIC INTERPRETATION

Abstract: This article is devoted to the presentation of the main theoretical views on the problem of identifying book elements in the history of the Russian literary language. This problem involves clarifying the content of such a concept as "Slavism" and clarifying it for the pre-national era, on the one hand, and for the national period, on the other.

Key words: history of the Russian language, book language, Slavism, literary language, Church Slavism, the second South Slavic influence.

Language: Russian

Citation: Popov, D. V. (2021). Slavism and its scientific interpretation. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (93), 186-190.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-01-93-32> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.32>

Scopus ASCC: 1202.

СЛАВЯНИЗМ И ЕГО НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена изложению основных теоретических взглядов на проблему отождествления книжных элементов в истории русского литературного языка. Данная проблема предполагает выяснение содержания такого понятия, как «славянизм» и уточнения его для донациональной эпохи, с одной стороны, и для национального периода, с другой.

Ключевые слова: история русского языка, книжный язык, славянизм, литературный язык, церковнославянизм, второе южнославянское влияние.

Введение

UDK 811.161.1

Как нам известно, в научной традиции термин «славянизм» обычно используется начиная со второй половины XVIII века. Одним из первых, кто специально обратился к анализу славянизмов, был А.А. Шахматов. Он проанализировал указанные элементы в современном ему русском литературном языке (рубежа XIX – XX веков). Справедливости ради нужно отметить, что исследователь использовал термины «церковнославянизм» и «церковнославянский элемент». К церковнославянизмам А.А. Шахматов относил слова и отдельные форманты, исторически свойственные старославянскому языку или церковнославянскому языку русской редакции. Он выделял

следующие группы:

1. Фонетические:

а) сочетания *РА, РЪ, ЛА, ЛЬ* (/ *ОРО, ЕРЕ, ОЛО, (ЕЛЕ)*) на месте о.с. *or, *ol и т.д., церковнославянскими им признаются и поздние сложения, в которых есть указанные фонетические элементы;

б) начальные сочетания *РА, ЛА*;

в) группа согласных *ЖД* на месте *Ж*, о которой говорится как о результате «второго южнославянского влияния», причем оговаривается, что слова с *Ж* также могут быть признаны церковнославянскими, поскольку они отражены уже в ранних церковнославянских памятниках русской редакции;

г) аффриката *Щ* в соответствии с *ч* на месте о.с. *tj или *kt п/д гласными переднего ряда: *ПОМОЩЬ, ПЕЩЕРА, ОВОЩ, ВОЗВРАЩАТЬ*,

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

КЛЕВЕЩУ;

д) гласная *Е*, не перешедшая в *О* известных условиях. Здесь А.А. Шахматов выделяет две группы слов: с *Е* перед исконно твердой согласной (**НЕБО, ПЕЩЕРА, ПРЕДМЕТ, ПЕРСТ** и т.д.), с *Е* перед отвердевшей согласной, у этой последней выделяет еще две подгруппы: слова с согласной, отвердевшей в результате ассимилирующего воздействия последующей согласной (**БЕЗДНА ИЗ БЕЗДНА, ДУШЕВНЫЙ ИЗ ДУШЕВЪННЫЙ**), слова с согласной, отвердевшей в поздний период (**ПАДЕЖ** (но **ПАДЁЖ**), **МЯТЕЖ**);

е) начальное *Ю* в соответствии с русским *У*;

ж) наличие в словах твердого *з* на месте о.с. мягкого (**ОВЦА, ПОЛЬЗА** (но рус. **НЕЛЬЗЯ**), **НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНЫЙ**);

з) новые гласные *О, Е* на месте слабых **Ъ, Ъ** в а) словах, содержащих предлоги **СО, ВО, ВОЗ**; б) слова, содержащие *О, Е* в суффиксах; в) слова с *о, е* в корнях. А.А. Шахматов объясняет церковно-славянский характер этого явления тем, что в старославянском языке прояснение редуцированных произошло раньше, чем в русском языке; ориентация на церковно-славянское произношение обусловила замену всяких **Ъ и Ъ** гласными *О* и *Е* (**ВЕСА, ВЕСЕЛЕНУЮ, НЕПЛОДОВЕ**). Поэтому к церковнославянизмам исследователь относит слова, содержащие названные префиксы: **СОБОР, СОВЕРШАТЬ, СОВЛАДАТЬ, СОТРАПЕЗНИК, ВОВЛЕКАТЬ, ВОПРОС, ВОЗБРАНЯТЬ, ВОСКЛИЦАТЬ** и др., многие из них включают и другие церковно-славянские элементы; лексемы с суффиксом **(-Е)СТВО** (из **-ЬСТВО**): **РОЖДЕСТВО, МНОЖЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО** (после шипящих);

и) гласные **ы, И** на месте напряженных редуцированных и в безударной и в ударной позиции. Произношение **-ЫЙ, -ИЙ** признается первичным по отношению к **-ЬЙ**. Сохранение *И* на месте *й* в безударной позиции на письме и в произношении также признается церковно-славянской чертой: **ПЕНИЕ, ВОСКРЕСЕНИЕ, НОЩИЮ** и др.

2. Морфологические элементы:

а) окончание прилагательных в Р. п. ед.ч. **-АГО**;

б) внеродовое окончание **И.-В. п. мн. ч. -БЯ, -ИЯ**.

3. Словообразовательные элементы:

Суффиксы: **-ТЕЛЬ: ПРЕДАТЕЛЬ, ХРАНИТЕЛЬ, УЧИТЕЛЬ** и соответственно образования на **-ТЕЛЬНЫЙ; -СТВИЕ**; суффикс **-СТВО** в словах, имеющих ударение на корне, данные слова признаны частично церковно-славянскими (ср. фонетическую черту *Е* на месте **Ъ** в данном суффиксе), **-ЕНСТВО** (вм. **-ЁНСТВО**), образования с **-ЕС: ТЕЛЕСНЫЙ** и др.;

-ЕНИЕ, -АНИЕ, суффиксы действительных причастий настоящего времени и страдательных

причастий настоящего и прошедшего времени.

4. Церковно-славянская лексика:

В данной группе выделяются слова, имеющие «внешние» показатели: глаголы с **ЖД** и **Щ** (**ПРИНУЖДАТЬ, ЗАПРЕЩАТЬ**), с чередованием заднеязычный/свистящий (**МОЗИ, ОТРИЦАТЬ**); инфинитивы с ударным *А* в суффиксе в отличие от русских с ударным корневым гласным (**ПРАШАТИ**, но **ПРА́ШАТИ**, также **УПРАШИВАТЬ**) и под., а также слова, «самое значение которых и культурная история доказывает тоже их церковно-славянское происхождение», среди последних заимствования из германского и греческого (**КАДИТЬ, ОБРАЗ, ЦЕРКОВЬ, БУКВА, МОНАСТЫРЬ, АРХИЕРЕИ, ГРАМОТА, ПОП, ДИАКОН** и под.) [18, с. 70-90].

Нетрудно заметить противоречивость шахматовской классификации славянизмов. Исследователь отождествляет отдельные форманты и словоформы, в состав которых входят данные форманты. К лексическим церковно-славянизмам по существу отнесены слова, содержащие фонетические черты, которые А.А. Шахматов упоминает раньше.

Как видно, перед исследователем не стояла задача показать историческую динамику славянизмов. Как представляется, огромная работа по выявлению и классификации славянизмов была проделана им для иллюстрации «церковно-славянского происхождения» русского литературного языка. Поэтому к «церковнославянизмам» он относил и так называемые «южнославянизмы», или болгаризмы (в том числе те, которые появились в результате «второго южнославянского влияния»), и элементы, в определенное время характеризовавшие как церковно-славянский, так и русский язык. Подобная характеристика церковно-славянских элементов была предложена Л.А. Булаховским [1].

Позднее Г.О. Винокур обратил внимание на то, что «понятие «славянизм» может иметь два разных значения: одно – генетическое, другое – стилистическое» [3, с. 9]. Проанализировав значительную часть материала, предложенного раньше А.А. Шахматовым (анализируются три категории славянизмов: слова с неполногласием, с **щ, жд** в соответствии с русскими **ч, жс**, с *е* в соответствии с русским *о(ѐ)*), он наметил три пути развития славянизмов в русском литературном языке и соответственно выделил три группы словоформ: 1) славянизмы, со временем вытеснившие русский эквивалент (**ХРАБРЫЙ – ХОРОБРЫЙ**); 2) славянизмы, разошедшиеся по значению со своим русским эквивалентом (**СТРАНА – СТОРОНА**); 3) славянизмы, употребление которых в русском литературном языке оказалось особым образом, стилистически, мотивировано (**ГРАД – ГОРОД, ВЛАС – ВОЛОС**) [3, с. 10-11]. Надо сказать, что большая часть таких слов в

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

литературном языке начала XX века уже не употреблялась. Таким образом, только последняя, очень незначительная группа слов, по наблюдениям Г.О. Винокура, представляет собой славянизмы в стилистическом значении.

Следует также обратить внимание на ряд важных, на наш взгляд, моментов, обозначенных в указанной статье Г.О. Винокура. Ученый выявил общую тенденцию изменения славянизмов в литературном языке и определил условия закрепления за ними функционального (стилистического) статуса: «Все то, что в каждую данную эпоху для говорящих и пишущих есть специальная принадлежность церковно-славянского языка своего времени и в этом качестве способно функционировать как наделенный определенными стилистическими свойствами церковно-славянский вариант общеупотребительного средства русской речи, и есть славянизм в стилистическом смысле слова» [3, с. 12]. Ср. также подобное его высказывание в другой работе о том, что со временем «практически утрачивалось всякое различие между такими фактами книжной речи, которые по происхождению восходили к старославянскому вкладу в русский язык, как, например, град, ночь, и превратившимися в факты книжной речи древнерусскими словами или формами, вышедшими из живого употребления, в котором они некогда свободно обращались, вроде *руцѣ*, *ногама* и т.п. Факты речи и того и другого рода представляли собой стилистически полное тождество, все это были факты языка ученого, церковного, отчетливо противостоящие фактам повседневного живого языка» [2, с. 90].

Сказанное означает, во-первых, что категория славянизмов исторически изменчива и может пополняться за счет элементов, «которые по своему происхождению вовсе не принадлежат к числу исключительных особенностей именно церковно-славянского языка и свойственны не в меньшей мере определенным стадиям развития самой русской речи» [2, с. 11]. Во-вторых, кроме лексических славянизмов (в том числе имеющих определенные маркирующие элементы) к данной категории относятся и значительное количество грамматических славянизмов. К последним Г.О. Винокур относит архаичные окончания склонения и спряжения, «долгое время употреблявшиеся в русском письменном языке на правах стилистических славянизмов и в послепетровское время постепенно вышедшие из литературного употребления, вроде *руцѣ* <...>, форм аориста и имперфекта, форм причастий, вроде *создавь* (т.е. *создавший*), и многие другие» [2, с. 19].

Определяя функциональность славянизмов в рамках исторической стилистики, исследователь считал, что сосуществование славянских и русских элементов в языке независимо от

исторической эпохи свидетельствовало о стилистической функции первых [2, с. 10].

Впоследствии появляется ряд работ, посвященных анализу отношений славянских и русских элементов в текстах, относящихся к различным историческим периодам [17; 6; 11; 15; 13; 7; 4; 5; 14; 9; 12; 10; 19; 21 и др.].

Как видно, «бум» исследовательского интереса к славянизмам приходится на 60-е – 70-е гг. XX века. Все эти работы объединяет обращение к корпусу славянизмов, в свое время выделенных А.А. Шахматовым.

Так, О.Г. Порохова, исследуя Сибирские летописи XVII в., анализирует неполногласную и полногласную лексику, парные лексемы с *ЖД* и *Ж*, слова с *Щ* и *ч*, а также причастия. Исследовательница использует термин «старославянская (и соответственно русская) по происхождению лексика». За исключением случаев семантической дифференциации парных лексем, подтвержденной материалом памятников, анализ прочих «старославянских по происхождению» слов соответствует традиционному в то время взгляду на славянизмы как на принадлежность исключительно исторической стилистики. Стилистически разграниченные парные лексемы О.Г. Порохова называет «вариантами», причем стилистическая разграниченность определяется непосредственным лексическим окружением (ср. *ДРЕВИЕ ВЕЛИЕ* и *ДЕРЕВИЕ РАЗЛИЧНОЕ*) или употреблением «в контексте высокого стиля» [11, с. 118; 125-126]. Судя по всему, автор отождествляет стилистическое и жанровое разграничение соответствующих лексем. Ср.: «Употребление некоторых слов в Сибирских летописях только в неполногласной форме объясняется не причинами узкого контекста, часто граничащего с устойчивой книжной фразеологией, а традицией употребления слова в книжных жанрах письменности» [11, с. 126]. Несколько выше она как будто разграничивает эти понятия [11, с. 121]. Семантически и стилистически равноправные лексемы О.Г. Порохова называет «дублетами». И поскольку «равноправность» определяется по отсутствию контекстных условий для разграничения, «дублетными» оказываются и такие лексемы, которые в других контекстных условиях ведут себя как «стилистические варианты». Наличие старославянских и русских дублетов автор объясняет «общими стилистическими тенденциями письменного языка эпохи XVII в.»: «Древнее жанровое разграничение употребления старославянского и русского языков, явившееся причиной соответствующего жанрового разделения, с течением времени стало ощущаться как разграничение не столь жанровое, сколь

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

стилистическое. Так постепенно жанровое разделение в использовании старославянского и русского языков сменяется стилистической дифференциацией русских и старославянских элементов в русском письменном языке. Этот процесс, протекающий на протяжении длительного времени, в XVII в. находился на той стадии, когда старые нормы в письменности уже нарушились, а новые стилистические нормы русского национального языка еще не установились» [11, с. 121].

Анализу славянизмов в стилистическом аспекте на материале литературных произведений XVIII века посвящена работа В.В. Замковой. Исследовательница называет в качестве источника славянизмов «старый книжный язык на церковно-славянской основе» [5, с. 5] и указывает, что контакты русского и церковно-славянского языков к середине XVIII столетия «касались главным образом лексического состава и словообразовательных возможностей, грамматический же строй русского литературного языка <...> уже окончательно сформировался» [5, с. 5]. В.В. Замкова рассматривает славянизм как стилистическую категорию, под которой подразумевается «совокупность стилистических единиц, определяющих какой-либо стиль. Фактором, объединяющим стилистические средства в одну стилистическую категорию, является <...> общность функций» [5, с. 16]. В качестве материала исследовательница берет произведения, принадлежащие, согласно ломоносовской теории, «высокому» и «среднему» стилям. Свои наблюдения она сравнивает с данными Словаря Академии Российской (пер. изд. 1789-1794 гг.) и некоторых других лексикографических источников [5, с. 17-18]. В центре внимания – лексика, восходящая к церковно-славянскому языку, которую В.В. Замкова разделяет на группы в зависимости от частеречной принадлежности, а также слова, имеющие «внешние» маркеры славянского или неславянского происхождения. Критерием стилистической дифференциации церковно-славянских и русских по происхождению слов для В.В. Замковой служит употребление данных лексем в произведениях соответствующих стилей. Для исследователей языка более ранних эпох таким критерием может являться соответствующее лексическое окружение, поскольку о «высоком», «среднем» или «низком» стиле речи еще идти не может.

Проблему разграничения функциональных и «уже нейтральных» элементов церковно-славянской традиции в современном литературном языке можно считать «снятой»,

поскольку немногие стилистически маркированные лексические славянизмы являются достоянием исключительно поэтической речи.

Е.С. Копорская определяет «славянизмы» как «слова или устойчивые словосочетания, вошедшие в русский язык из старославянского языка или из его более позднего (с 11 в.) русского извода - церковно-славянского языка» [8, с. 487]. Соответственно славянизмы разделяются на «старославянизмы» и «церковнославянизмы», к ним относятся слова с известными фонетическими и словообразовательными признаками. Таким образом, основополагающими при выделении подобных слов выступают генетические характеристики. Между тем, Е.С. Копорская называет особую лексико-стилистическую категорию слов, квалифицируемых как «высокие» и «поэтические», такие как *АГНЕЦ*, *АЛКАТЬ*, *БРЕМЯ*, *ВОПИЯТЬ*, *ВРАТА*, *ГЛАС*, *ГРЯСТИ*, *ЛИК*, *СТЕЗЯ*, *ШЕСТВОВАТЬ* [8, с. 489].

Книжными элементами для донациональной эпохи считаем единицы, отождествляемые носителями языка с единицами церковно-славянского языка своего времени. В этом значении книжные элементы тождественны понятиям «церковно-славянский элемент» и «славянизм». В национальную эпоху объем понятия «книжные элементы» расширяется: в числе прочих единиц к книжным элементам теперь относятся славянизмы и канцеляризмы, в том числе восходящие к церковно-славянской традиции [20, с. 406].

Итак, в определении понятия «славянизм» остановимся на позиции Г.О. Винокура, который раскрыл сущность славянизма как функциональной единицы [3, с. 1947]. Мысль, извлекаемая из его дефиниции, состоит в том, что славянизмом закономерно считать любой элемент (слово, морфологическую форму или даже синтаксическую единицу), если таковой соотносим в определенный исторический период носителями языка с церковно-славянским языком этого времени.

Термин «славянизм» в его функционально-стилистическом понимании следует конкретизировать для языка древних эпох до XVIII века и для XVIII столетия. Полагаем, что в донациональную эпоху то, что понимается под славянизмами, абсолютно тождественно понятию «книжный элемент». В период формирования национального языка в число книжных входят элементы различного происхождения. Славянизм в этот период – одна из составляющих нового книжного языка.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Bulahovskij, L. A. (1948). *Russkij literaturnyj jazyk pervoj poloviny XIX veka*. (468 p.). T. II. Kiev: Radjans'ka shkola.
2. Vinokur, G. O. (2010). *Russkij jazyk. Istoricheskij ocherk*. (200 p.). Moscow: URSS.
3. Vinokur, G. O. (1947). O slavjanizmah v sovremennom russkom literaturnom jazyke. *Russkij jazyk v shkole*, № 4, pp.9-19.
4. Demina, E. I. (1975). *Problema sootnoshenija knizhnoj i narodnoj leksiki na nachal'nom jetape stanovlenija sovremennyh slavjanskih literaturnyh jazykov (tipologicheskij aspekt)*. Problemy slavjanskoj istoricheskoj leksikologii i leksikografii: tezisyy konferencii. Vyp. 1. Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija (knizhnaja i narodnaja leksika v istorii slavjanskih literaturnyh jazykov). (pp. 12-15). Moscow.
5. Zamkova, V. V. (1975). *Slavjanizm kak stilisticheskaja kategorija v russkom literaturnom jazyke XVIII v.* (224 p.). Leningrad: Nauka.
6. Isserlin, E. M. (1961). *Leksika russkogo literaturnogo jazyka XVII veka*. (79 p.). Moscow.
7. Kandaurova, T. N. (1972). *Assimiljacija markirovannyh cerkovnoslavjanizmov v drevnerusskikh pamjatnikah XI – XIV vekov*. Problemy obshhego i russkogo jazykoznanija: sbornik statej. (pp. 89-103). Moscow.
8. Koporskaja, E. S. (1998). *Slavjanizmy*. Russkij jazyk: jenciklopedija. (pp. 487-489). Moscow.
9. Kutina, L. L. (1990). *K voprosu o neoslavjanizmah (glagoly s prstavkoj niz- v russkom jazyke XVIII veka)*. Razvitie slovarnogo sostava russkogo jazyka XVIII veka. (pp. 99-114). Leningrad.
10. Popov, D. V. (2020). Kanceljarizmy kak istoricheskaja stilisticheskaja kategorija. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, No. 3-4, pp.12-19. DOI: <https://doi.org/10.20534/AJH 20-3.4-12-19>
11. Porohova, O. G. (1962). *Vzaimodejstvie russkoj i staroslavjanskoj (po proishozhdeniju) leksiki v russkom pis'mennom jazyke XVII v.* (na materiale Sibirskih letopisej). Istoricheskaja grammatika i leksikologija russkogo jazyka. (pp. 115-137). Moscow.
12. Uluhanov, I. S. (2004). *Slavjanizmy v russkom jazyke*. (268 p.). Moscow.
13. Uluhanov, I. S. (1966). *Slavjanizmy v drevnerusskom jazyke XI – XVII vv.* (glagoly s nepolnoglasyymi prstavkami): avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. (29 p.). Moscow.
14. Uspenskij, B. A. (1975). *K voprosu o semanticheskikh vzaimootnoshenijah sistemno protivopostavlennyh cerkovno-slavjanskih i russkikh form v istorii russkogo jazyka*. Problemy slavjanskoj istoricheskoj leksikologii i leksikografii; tezisyy konferencii. Vyp. 1. Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija (knizhnaja i narodnaja leksika v istorii slavjanskih literaturnyh jazykov). (pp. 44-53). Moscow.
15. Cejtin, P. M. (1964). *Iz istorii upotreblenija nepolnoglasyih i polnoglasyih slov-variantov v russkoj hudozhestvennoj rechi konca XVIII – nachala XIX veka*. Obrazovanie novoj stilistiki russkogo jazyka v Pushkinskuju jepohu. (pp. 225-284). Moscow.
16. Khaydarova, N. A. (2019). *Diskursivno aktivnaja sreda i prostranstvennye otnoshenija v istoricheskoj trilogii V. Jana*. Tekst i diskurs v sovremennoj kommunikacii. (pp. 23-36). Nijnij Novgorod.
17. Cherkasova, E. T. (1951). *O vzaimodejstvii russkikh narodnyh i cerkovnoslavjanskih jelementov rechi v russkom literaturnom jazyke dolomonosovskogo perioda (polnoglasyaja i nepolnoglasyaja leksika)*. Materialy i issledovanija po istorii russkogo literaturnogo jazyka. T. II. (pp. 219-252). Moscow.
18. Shahmatov, A. A. (2019). *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. (288 p.). Moscow: Izdatel'stvo Jurajt.
19. Popov, D. V. (2018). Controversial Issues of Periodization of the Russian Literary language. *Scientific reports of Bukhara State University*, 1(3), pp. 102-107.
20. Popov, D. V. (2020). The concept of «book elements» in the history of the Russian literary language. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (81). pp.401-407. DOI: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.01.81.70>
21. Sheremeteva, A. G., & Popov, D. V. (2019). On the literary language of Moscow Rus. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 02 (70), pp. 37-40. DOI: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.02.70.7>

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.997	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.997	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350
